

Газманова мы видим и слышим
каждый день. Но знаем ли мы Газманова?

«Я мог бы петь и без шинели...»

Житковская газета - 1992 - 25 апр
- с 23

Меня, как и любого исполнителя, — говорит Олег Газманов, — часто отождествляют с тем, что я делаю на сцене. Привыкли к моим папахам, шинелям, шашкам, тельняшкам. Многие молодые певцы, кстати, вслед за мной тоже начинают использовать эти атрибуты. Весело, конечно, но и опасно. Опасно заимствовать сценический образ только потому, что так делает певец, которого хорошо принимает зритель. Этот самый зритель быстро «наедается» экзотики, ему хочется нового. Можно найти другую одежду, а можно подумать о том, что внешние атрибуты должны быть оправданы, необходимы для того образа, который ты создаешь на сцене.

— Но разве не постоянство твоего сценического образа — при минимальных, согласишься, вариациях — привело к тому, что его воспринимают как твое подлинное лицо?

— Никому в голову не придет, что клоун, выходящий на манеж, в своем костюме, в своей сценической маске, легковесен или пошл, смешлив тогда, когда он снимает грим и парик. Сценическая маска — это сценическая маска прежде всего. Другое дело, насколько она удачна. Почему у меня на сцене именно такой имидж, а не другой? Я — оптимист и хотел бы, чтобы мой оптимизм в той или иной степени передавался зрителям. В какой-то мере эта сценическая маска — весельчак, оптимистически относящийся к жизни, кажется мне сегодня достаточно удачной. Прав ли я? На этот вопрос отвечает зритель: он ходит на мои концерты, он поет мои песни. Это не значит, что завтра сценический образ не будет иным.

Мне хочется соединять людей своими песнями. Можно петь трагические баллады, и люди будут вместе грустить в зрительном зале, ронять слезы друг другу на плечо. А можно объединять их радостью, той самой, которой так не хватает им за пределами зрительного зала. Меня спрашивают, кто ходит на ваши концерты, каков возраст зрителей? Что сказать, если там и дети, и молодежь, и представители старших поколений.

— Что ж, постоянные аншлаги — довод серьезный. Но не окончательный. Многие искусствоведы сегодня сетуют по поводу тревожно низкого уровня культуры, недостаточной требовательности нашего зрителя...

— Ты так беспощаден к своим соотечественникам? Ладно, твое право. Давай тогда проверим реакцию зарубежного зрителя хотя бы на примере моих гастролей в Турции. В одном концерте со мной выступали Ла-Тойя Джексон, «Блэк Бокс». Им устраивали овации сразу же после объявления имени. Я вышел на сцену при гробовой тишине, но во время исполнения песен весь зал держался за руки и танцевал. Я там понял, что не буду больше слушать никаких советов, типа «переведи слова на английский, турецкий и т. д.». Перед тем фестивалем я не успел этого сделать и был счастлив. Зрители понимали мелодию и интонацию.

Кстати, гастроли за рубежом — это своего рода эксперимент. Интересно попробовать, проверить

себя в контакте с иноязычной публикой. Пока эксперимент удачен.

— А если это только пока? На гребне волны зрительских симпатий удержаться нелегко...

— Я рассчитываю на творческое долголетие. Это не просто мечта — скорее, прогноз. У меня готово столько песен, что хватит до конца жизни. Думаю, что после знакомства с ними зритель перестал бы воспринимать меня столь однобоко, как до сих пор. Мое творческое кредо ближе к Маккартни.

Я очень люблю работать с текстом. Кстати, на Западе много музыкантов, которые долго держатся на высоком уровне, представляя одновременно в трех ипостасях, — певца, композитора и поэта. Меня считают певцом танцевальных шлягеров, но у меня много песен иных, где попытки сочетания разных форм, скажем, романса и рок-баллады. Так что мое знакомство со зрителем еще продолжится. Не собираюсь постоянно работать в режиме «Эскадрона» — это и тяжело, и неинтересно.

— И все-таки успех пришел к тебе потому, что в основе творчества — шлягеры. Почему именно шлягер? Только ли потому, что это привлекает публику, делает имя певцу?

— Кумир предполагает, что ему будут следовать. На то он и кумир. Естественно, я не миновал периода подражания. Среди кумиров были и «Битлз», и «Криденс». Я не отрекаюсь от этого опыта, потому что он был полезен. Ведь композитор должен ориентироваться в различных музыкальных стилях, не замыкаясь на каком-то одном. Музыка воспитывала меня, предлагая лучшие образцы западной и отечественной музыкальной культуры. Сейчас мне очень легко, я могу брать любую тему и развивать ее, импровизировать внутри своей песни. Считаю, принципиально важно использовать в творчестве элементы мелодического фолька, старую привносить в свою музыку народные мелодии. Причем здесь нет плагиата: просто они органично попадают в канонический мелодический ряд. Ведь есть армянская мелодика, китайская пентатоника, славянские напевы — куда от этого денешься. Когда они узнаются в песнях, можно только радоваться.

— Ты сменил науку на песню. Что, жизнь стала проще, веселей, легче?

— Другая жизнь. Не легче — труднее. Другая жизнь, другие сложности. Я долго шел к главному делу, я перепробовал много профессий, причем в каждой из них имел успех. И это... значительно тормозило мое движение к главной цели. Но все-таки я нашел, воплотил себя в желаемом творчестве. И хотя окружающий мир не удовлетворяет меня ни в бытовом, ни в социальном плане, я люблю этот мир, эту жизнь и, наверное, счастлив. Хочется лишь понять — предел ли для меня то, чего достиг?..